

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ РАКУРС

Н.В. Юдин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

В данной статье с позиций конструктивистской методологии рассматривается один из наиболее дискуссионных вопросов современной западной историографии Первой мировой войны – о существовании в европейских державах в 1914 г. широкого патриотического подъема. На основе широкого круга исторических источников, включающего в себя материалы отечественных и зарубежных архивов, мемуары, дневники и письма современников проводится сравнительный анализ реакции на начало войны представителей городского и сельского населения Англии, Франции и России.

Отмечается, что на фоне многолюдных патриотических манифестаций, имевших место в крупных городах, реакция деревни выглядела гораздо более сдержанной, пассивной. В то же время автор подчёркивает, что последнее обстоятельство говорит не столько об отсутствии патриотического подъема, сколько о специфике деревенской культуры и мировоззрения и присущим им способам выражения коллективных настроений. Автор обращает внимание на то, что помимо очевидных различий существовало также много общих черт, объединявших реакцию на начало войны городских и сельских жителей. Прежде всего, речь идёт о чрезвычайно успешной мобилизации армий континентальных держав, наплыве добровольцев в английскую армию, резком сокращении стачечного движения.

Автор приходит к выводу, что патриотический подъем в европейских державах в 1914 г. опирался не на сиюминутный взрыв шовинизма, а был отражением широкого общественного консенсуса по вопросу о войне.

Ключевые слова: Конструктивизм, «настроение 1914 года», общественный консенсус.

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

Одной из характерных тенденций развития современной исторической науки является стремление к расширению традиционной проблематики исторических исследований, стремление к междисциплинарности. Эта тенденция не обошла стороной и исследования в области истории международных отношений [3, с. 112]. Возрастает интерес к изучению «человеческого» измерения различных международных событий, прежде всего связанных с радикальными социальными и политическими потрясениями, вооружёнными конфликтами. Неудивительно, что именно изучение социально-психологического опыта воюющих обществ в настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений и в зарубежной и в отечественной историографии Первой мировой войны.

Однако обращение к данной проблематике неизбежно ставит перед исследователями целый комплекс методологических проблем. Как реконструировать настроения людей давно ушедшей эпохи? Какие источники использовать? Как оценить с точки зрения репрезентативности и структурировать подчас взаимоисключающие свидетельства, содержащиеся в них? Все эти вопросы носят отнюдь не праздный характер. От ответа на них прямо и непосредственно зависит общая интерпретация событий той эпохи.

Этот тезис наглядно иллюстрирует дискуссия, развернувшаяся в западной историографии вокруг оценки настроений населения европейских держав в период Первой мировой войны. В центре этой дискуссии находится вопрос о существовании в 1914 г. в Европе патриотического подъёма в связи с началом войны. Если в 1960-1970-е гг. большинство зарубежных исследователей сходились во мнении, что в начале Первой мировой войны патриотический подъём охватил население всех европейских держав, что новая война была встречена современниками с энтузиазмом [35; 45; 46; 53; 58], то с конца 1970-х гг. эта традиционная точка зрения всё чаще стала подвергаться критике [30]. В западной историографии начинает ставиться под вопрос сам факт существования патриотического подъёма как широкого общественного настроения [51; 57]. Исследователи начинают писать о «мифе 1914 года» [51, р. 37, 38; 57, р. 52-56]. Эта тенденция получила широкое распространение и в новейших исследованиях [43; 44; 48; 54]. Наличие столь противоречивых, по сути взаимоисключающих оценок выходит далеко за пределы разумной плюралистичности и балансирует на грани скатывания исторических исследований в эпистемологический релятивизм.

Представляется, что подобная ситуация в немалой степени является отражением несовершенства традиционного методологического аппарата исторических исследований, когда речь заходит об анализе социально-психологических феноменов. Например, зачастую исследователи общественных настроений в европейских держа-

вах во время Первой мировой войны склонны говорить об общественном мнении как о чём-то едином, монолитном. Нередко можно встретить такие обороты, как «английское общественное мнение», «французское общественное мнение» и т.д. Употребление формы единственного числа представляет собой заманчивое, но опасное обобщение: при таком подходе одно из мнений, характеризовавших картину настроений в обществе в конкретный момент времени, неизбежно ставится выше остальных [41, р. 805-807].

Например, исследователи, ставящие под сомнение существование в европейских странах широкого патриотического подъёма в начале Первой мировой войны, склонны сводить его исключительно к таким формам проявления общественных настроений, как патриотические (шовинистические) манифестации, провинные митинги, эмоциональные проводы полков на фронт и т.п. Они подчёркивают, что подобные формы реакции, если они вообще были, имели место лишь в крупных городах и отражали мнение крайне незначительной и нерепрезентативной части населения, прежде всего, городской интеллигенции, студенчества, реже – рабочих. Этой реакции они противопоставляют реакцию деревни, сельских жителей, которая отличалась в первые дни войны подавленностью, тревогой, отсутствием публичных выражений патриотических чувств [44, р. 12-13; 54, р. 112-113; 57, р. 52-56]. Именно реакция представителей широких слоев сельского населения рисуется ими как подлинно репрезентативная.

Помочь избежать излишне категоричных и, в конечно счёте, попросту некорректных оценок социально-психологической атмосферы в воюющих обществах периода Первой мировой войны может применение более адекватной, социологической методологии. В этой связи большой интерес представляет конструктивистский подход. Конструктивисты рассматривают государство прежде всего как социальное явление. Они утверждают, что действия государства на международной арене предопределяются теми коллективными представлениями и способами самоидентификации, которые составляют его социальную структуру, характеризуют его общество [55]. Иными словами, чтобы понять специфику развития той или иной системы международных отношений, необходимо обратиться к анализу коллективных представлений, которые были присущи государствам, входившим в эту систему.

Формирование этих представлений происходит в процессе сложного взаимодействия и кодeterminации объективных и субъективных, долгосрочных и конъюнктурных факторов, с одной стороны, и их восприятием, оценкой и интерпретацией современниками – с другой [40; 56]. Эти представления могут основываться на разных, подчас взаимоисключающих способах индивидуальной и коллективной самоидентификации, ценностях и идеях. Таким образом,

конструктивисты исходят из признания принципиальной неоднородности и неоднозначности коллективных представлений, присущих конкретному обществу в тот или иной период времени.

С этой точки зрения, нет ничего удивительного в том, что существовала разница в реакции на начало Первой мировой войны со стороны городских и сельских жителей. Предсказуемо, ареной наиболее масштабных и ярких проявлений патриотического подъёма («шовинистического угар», говоря языком советской историографии [4, с. 177]) стали крупные города, прежде всего, столицы. Так, в Париже первые дни августа 1914 г. были отмечены многочисленными и разнообразными проявлениями патриотических чувств со стороны горожан. Манифестациями, проходившими под лозунгами «Да здравствует Франция!», «Да здравствует армия!», были встречены приказ о мобилизации, известие о вступлении в войну на стороне Антанты Англии, проводы полков [9, с. 23; 28, р. 5-44; 36, р. 26-27]. Аналогичные картины наблюдались в Лондоне. Еще 2 августа на Трафальгарской площади собирались многотысячные демонстрации пацифистов и антимилитаристов, а уже 3-го числа, когда в обществе осознали реальность угрозы Бельгии, от этих демонстраций не осталось и следа [1, л. 63; 47, р. 12]. Когда в тот же день министры направлялись в парламент, чтобы послушать речь Э. Грея о ситуации в Европе, на улицах их окружали восторженные толпы [27, р. 25], было ясно, что война популярна. Б. Рассел, непреклонный противник милитаризма, вспоминал, что люди вокруг были в восторге от перспективы войны [50, р. 4]. Об этом же говорил в своем выступлении в парламенте А. Понсонби [38, vol. 65, col. 1841].

Остаётся спорным вопрос о распространённости и природе подобных проявлений патриотических чувств в Российской империи. В источниках и историографии отсутствуют сколько-нибудь определённые данные на этот счёт. Можно лишь согласиться с утверждением С.В. Тютюкина, что они значительно уступали по размаху патриотическим манифестациям в западноевропейских странах [20, с. 125]. В то же время, на наш взгляд, необоснованно утверждение, будто бы они были искусственно организованы полицией [34, р. 59]. Возможно, отдельные демонстрации и впрямь были таковыми. Это обстоятельство не отменяет факта существования широкого патриотического подъёма городского населения Российской империи в августе 1914 г. Как свидетельствуют донесения французских дипломатических представителей, оно было отмечено в столице и в других крупных промышленных центрах страны [21, vol. 1, р. 35-36, 74-75; vol. 3, р. 132; vol. 8, р. 168]. Патриотические шествия, молебны и демонстрации, сопровождались пением национального гимна [2, с. 155; 11, с. 16; 13, с. 162; 19, с. 360]. Приветственные манифестации состоялись у стен посольства

Франции [12, с. 65; 21, vol. 2, р. 89] и Англии [32, р. 213] после вступления этих стран в войну с Германией. Известен и факт, что толпа ворвалась и разгромила здание немецкого посольства [12, с. 65; 18, с. 4-5; 32, р. 213].

На этом фоне реакция сельских жителей на начало Первой мировой войны действительно выглядела, на первый взгляд, гораздо более сдержанной, если не сказать пассивной [44, р. 13; 51, р. 37]. Например, в Российской империи многие современники отмечали, что причины и цели новой войны оставались чуждыми, непонятными широким слоям деревенского населения. Генерал А.И. Деникин писал в своих воспоминаниях: «Народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов» [7, с. 118]. В этой связи исключительно справедливым представляется вывод современной отечественной исследовательницы О.С. Поршневой: «Грянувшую как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне воспринимали как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание» [13, с. 106].

Таким образом, разница в реакции городских и сельских жителей на начало войны действительно была существенной, однако противопоставлять эти реакции как репрезентативную и нерепрезентативную всё же неуместно:

– во-первых, представляется не совсем корректной сама постановка подобного вопроса: настроения различных социальных групп, в совокупности составлявшие картину общественного мнения той или иной страны, являются совершенно равноправными и самоценными. Они отражают объективную неоднозначность отношения современников к войне и должны одинаково учитываться при характеристике социально-психологического опыта воюющих обществ рассматриваемого периода;

– во-вторых, отмеченная разница в реакции скорее свидетельствовала не об отсутствии в 1914 г. патриотического подъёма в среде сельских жителей, а о различиях городской и сельской культуры. Первая отличалась большим динамизмом, большей погружённостью в политические проблемы, в том числе в проблемы внешней политики. Сельские жители, в силу специфических культуры и мировоззрения, в меньшей степени были расположены к таким формам выражения своих настроений, как манифестации или митинги;

– в-третьих, наконец, помимо очевидных различий, существовало также много общих черт, объединявших реакцию на начало войны городских и сельских жителей, которые были, может быть, не такими яркими, но гораздо более показательными. Прежде всего, речь идет о таких фактах, как успешная и быстрая мобилизация армий континентальных держав и массовый приток добровольцев в английскую армию. В

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

Российской империи мобилизация в 1914 г., по свидетельствам современников, представляла разительный контраст с мобилизациями во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. Генерал Н.Н. Головин в своих воспоминаниях писал: «Те, кто были свидетелями мобилизации во время Русско-японской войны, невольно поразились несоизмеримым различием в настроении во всех слоях русского народа... Нужно было пережить этот период, чтобы почувствовать, что подымался народ на защиту своих прав» [6, с. 83].

Схожие оценки встречаются и в письмах современников. Автор анонимного письма из Ярославля писал: «Я большой скептик, но должен сознаться, что русский народ красиво и стойко встретил испытание, – нет ни крикливости, ни уныния, все чувствуют, что дело серьёзное и что идти нужно. Это не газетное враньё, а факт. Я присутствовал в деревне во время мобилизации и могу подтвердить это» [5, д. 992, л. 1120]. Вновь сошлёмся на воспоминания Н.Н. Головина: «Многие из запасных в глухой провинции являлись перед комиссиями по воинскому присутствию и просили не свидетельствовать их физическую годность, заявляя, что они совершенно здоровы; они хотели облегчить работу комиссий и помочь спешному ходу мобилизации» [6, с. 83]. Действительно, 96% подлежащих призыву явились на призывные пункты в нужные сроки [13, с. 112; 42, р. 47]. Многие приходили добровольцами, не дожидаясь повестки или пренебрегая законной отсрочкой [2, с. 157; 49, р. 189]. Но от них зачастую попросту отмахивались [5, д. 992, л. 1105], так как было сложно найти им место в формировавшихся полках.

Даже в источниках, вышедших из-под пера противников царского режима, не содержится упоминаний об антиправительственных или ярко выраженных антивоенных выступлениях во время мобилизации. Практически все зафиксированные столкновения между полицейскими и призывниками имели под собой бытовые причины: попытки мобилизованных разгромить казенные винные лавки, хулиганство, грубость и нераспорядительность местных властей [5, д. 992, л. 1104, 1121; д. 993, л. 1294, 1296]. Всего подобные столкновения были зафиксированы в 49 губерниях, в ходе них пострадали 51 государственный служащий и 136 бунтовщиков, убиты 9 служащих и 216 бунтовщиков [17, с. 207-208; 20, с. 126-127].

Успешной была мобилизация и во Франции: по прогнозам МВД и Военного министерства число уклонистов должно было достигать 10%

от общего числа призывников, однако в реальности оно не превысило и 1% [33, р. 56; 44, р. 15]. Именно успех мобилизации является, на наш взгляд, главным показателем существования патриотического подъёма в начале войны во Франции. О его общенациональном масштабе свидетельствуют донесения префектов из различных департаментов республики, освещающие ход мобилизации в подотчётных им местностях. В большинстве донесений настроение населения характеризуется как спокойствие, решимость, дисциплинированность, хладнокровие, солидарность и воодушевление¹.

О напряжённости переживаний в тот момент говорит следующий рапорт от 6 августа 1914 г.: «Мобилизационные мероприятия и организация снабжения проходят в порядке и методично. Население Оба [Aube], как и войска, проходящие через этот департамент, охвачены величественным подъёмом, который постоянно прорывается наружу. Вчера жена видного промышленника из Д'Арси публично заявила: «У меня есть только два сына, оба сейчас служат солдатами. Даже если мне придётся оплакивать это до конца моей жизни, я пожертвую одним из них, чтобы мы победили» [22, f. 7, 12937. Aube. 1914, 6 Août.].

В Великобритании, где армия продолжала комплектоваться вплоть до января 1916 г. на добровольных началах [52, р. 46-47], широкий размах приобрело массовое добровольческое движение. «В течение августа и в начале сентября 1914 г. на призывных пунктах в армию записалось около 500 тыс. человек, а к концу 1914 г. более 1 млн. британцев стали добровольцами» [14, с. 268-269]. Как следствие, общая численность английских вооружённых сил увеличилась в 6 раз (с 258 тыс. в конце июля 1914 г. до 1,5 млн. на 1 января 1915 г.) [10, с. 33]. Ф. Гиббс вспоминал: «Каждый молодой человек, который шёл на рекрутский участок, в глубине души знал, что он прощается, возможно навсегда, с любимыми им вещами и людьми, привычными благами, с самой жизнью... И всё же они шли миллионами, волна за волной... Когда началась война, была настоящая одержимость Англией и родственными ей народами. Сложно представить; невозможно пережить снова, теперь» [37, р. 21].

Не менее красноречивым свидетельством существования широкого патриотического подъёма стал резкий спад забастовочного протестного движения. Если в июле 1914 г. в Российской империи массовые рабочие выступления имели место в Петербурге, Москве, Коломне,

¹ См. подр.: [22, f. 7, 12936. Loir-&Cher. 1914, 5 Août; Ibid. Bordeaux. 1914, 4 Août; Ibid. Bordeaux. 1914, 7 Août; f. 7, 12937. Allier. 1914, 5 Août; Ibid. Allier. 1914, 7 Août; Ibid. Basses-Alpes. 1914, 3 Août; Ibid. Basses-Alpes. 1914, 4 Août; Ibid. Ardèche. 1914, 5 Août; Ibid. Ariège. 1914, 3 Août; Ibid. Ariège. 1914, 4 Août; f. 7, 12938. Ibid. Pas-de-Calais. 1914, 4 Août; Ibid. Pas-de-Calais. 1914, 6 Août; Puy-de-Dôme. 1914, 5 Août; Ibid. Hautes-Pyrénées. 1914, 4 Août; Ibid. Pyrénées-Orientales. 1914, 3 Août; f. 7, 12939. Rhône. 1914, 3 Août; Ibid. Rhône. 1914, 5 Août; Ibid. Vosges. 1914, 7 Août; Ibid. Somme. 1914, 3 Août; Ibid. Haute-Savoie. 1914, 3 Août; Ibid. Haute-Savoie. 1914, 4 Août; Ibid. Deux-Sèvres. 1914, 4 Août; Ibid. Tarn. 1914, 4 Août.]. Подобная сознательность и ответственность населения удивляла самих чиновников [22, f. 7, 12937. Basses-Alpes. 1914, 4 Août; Ibid. Ariège. 1914, 4 Août.].

Харькове, Киеве, Баку, то в августе забастовки почти прекратились [8, с. 373; 42, р. 47]. С.В. Тютюкин приводит следующие цифры: «В августе 1914 г. численность стачечников, по официальным данным фабричной и горной инспекции, составляла всего около 25 тыс. человек, то есть в 40 раз меньше, чем в июле. При этом более 90% из них бастовали по чисто экономическим мотивам» [19, с. 361]. Аналогичным образом характеризует ситуацию с рабочим движением О.С. Поршнева: «С августа по декабрь 1914 г., по данным Особого совещания по обороне государства, на предприятиях, работавших на оборону, было 68 стачек с 34,8 тыс. участников, в то время как в 1913 – первой половине 1914 г. число забастовщиков в фабрично-заводской промышленности России составило около 2 млн чел.» [13, с. 166].

Во Франции рабочие не только поддержали свое правительство в новой войне, отказавшись от забастовок и наравне с прочими социальными группами откликнувшись на приказ о мобилизации [15, с. 313; 58, р. 52-54]. Но и помогали в проведении необходимых сельскохозяйственных работ, оказавшихся под угрозой срыва в связи с нехваткой рабочих рук [22, f. 7, 13348. Paris. 1914, 7 Août.]. Важно отметить, что французские рабочие зачастую демонстрировали гораздо большую гражданскую сознательность, чем прочие городские жители. Вот как писал об этом в Россию анонимный автор, город Монпелье, Франция, 1 (14) августа 1914 г.: «Грубые инстинкты населения дали себя знать в такой грубой форме, о которой и говорить больно. Всякого, кого только могли принять за немца, толпа готова была убить на месте, ибо в её глазах всякий немец – военный шпион... Наиболее трезвыми в эти трагические моменты оказались организованные рабочие, которые делали все, чтобы локализовать дикие инстинкты толпы» [5, д. 992, л. 1122].

Резкий спад стачечного движения был частным проявлением гораздо более масштабного настроения единения и примирения, которое на короткий миг в начале Первой мировой войны охватило едва ли не все слои и классы европейских обществ. Французский историк М. Блок вспоминал: «На улицах, в магазинах и трамваях незнакомцы свободно разговаривали друг с другом; всеобщий подъём, хотя и выражавшийся зачастую в наивных и неуклюжих словах и жестах, был, тем не менее, трогательным. Мужчины по большей части не были веселы – они были решительны, а это намного лучше» [31, р. 78]. Об этом чувстве всеобщего единения перед лицом внешней угрозы, охватившем парижан в августе 1914 г., писал и английский журналист Ф. Гиббс: «Эмоции сдавливали сердце. В эти дни Франция казалась мне священной в своей отваге, само-

пожертвовании, страдании. Анархисты, революционеры, отбросы преступного мира, нищие проститутки очистились на время от всех своих грехов любовью, страстью к Франции. Они сами по себе ничего не значили. Их жизни не имели значения, только бы Франция продолжала жить» [37, р. 22].

Схожие картины примирения наблюдались и в провинции. Вот как описывал атмосферу тех дней в Нарбонне современник: «Больше нет политических противников, оскорблений, обид, ненависти – все забыто. Первым делом война совершила чудо, приведя к миру, согласию, примирению людей, ранее друг друга ненавидевших» [29, р. 14]. Историк Дж. Джолл пишет в этой связи: «Несомненно, что на короткий период в августе 1914 г., о котором многие будут потом вспоминать как о величайшем моменте в их жизнях, война заставила людей забыть о своих разногласиях и создала чувство национального единства в каждой стране. Так, во французских деревнях кюре и школьный учитель впервые за многие годы заговорили друг с другом» [39, р. 184].

О распространённости подобных настроений говорят даже не эти, в сущности, субъективные оценки и свидетельства, а многочисленные примеры, относящиеся к функциональному уровню реакции современников; не слова, а поступки. Городские и сельские обыватели во Франции в первые месяцы войны активно и с воодушевлением включились в различные благотворительные начинания: организовывали сборы пожертвований в пользу раненых и семей солдат, принимали в своих коммунах беженцев из оккупированных департаментов и раненых².

И Франция не была исключением. Восторженно описывал атмосферу, царившую в начале войны в Петербурге, ответственный философ и публицист В.В. Розанов: «Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг... Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысел слил огромные массы русских людей в одного человека» [16, с. 255]. А уже цитировавшийся английский журналист Ф. Гиббс вспоминал о настроениях в Великобритании: «Старые классовые барьеры, глубоко укоренившиеся в английской жизни, были сметены одним лёгким и благородным жестом. Сыны старых знатных фамилий объединились с разносчиками, крестьянами, клерками, жителями трущоб и вместе с ними шли добровольцами на войну «во имя цивилизации» [37, р. 18].

Приведенные факты показывают, что, вопреки распространённым в современной

² См. подр.: [22, f. 7, 12937.. Aisne. 1914, 7 Août; Ibid. Alpes-Maritimes. 1914, 10 Août; Ibid. Ariège. 1914, 28 Août; Ibid. Calvados. 1914, 3 Août; Ibid. Calvados. 1914, 18 Août; Ibid. Côtes-du-Nord. 1914, 25 Août; Ibid. Meuse. 1914, 19 Août; f. 7, 12938. Pas-de-Calais. 1914, 16 Août; Ibid. Hautes-Pyrénées. 1914, 23 Août].

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

западной историографии утверждениям о «мифе 1914 г.», патриотический подъем в странах Антанты действительно был. Более того, он не ограничивался населением крупных городов, столиц, а представлял собой массовую реакцию населения европейских держав на начало в 1914 г. новой войны. Разумеется, существовала своя специфика выражения патриотических чувств городскими и сельскими жителями, которая обуславливалась различиями в социальном положении, культуре, традициях, коллективных способах самовосприятия. Однако абсолютизировать эти различия, противопоставлять реакцию на начало войны

сельского и городского населения, на наш взгляд, ошибочно.

Успешная мобилизация армий континентальных держав, массовый приток добровольцев в английскую армию, резкое снижение накала политических противоречий и классовых борьбы, характеризовавшие реакцию как городских, так и сельских жителей, свидетельствуют: патриотический подъем в европейских державах в 1914 г. опирался не на сиюминутный взрыв шовинизма, не был лишь кратковременной аффектацией или массовой истерией, он был отражением широкого общественного консенсуса по вопросу о войне.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. Д. 9. 1914 г.
2. Базанов С.Н. Патриотический подъем в российском обществе в начале Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. М., 2006.
3. Введение в теорию международных отношений. М., 2001.
4. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. V отделение Особого отдела Департамента полиции. Оп. 265.
6. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага: Пламя, 1926.
7. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990.
8. Джунковский В.Ф. Воспоминания, 1905-1915. Т. 2. М., 1997.
9. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955.
10. Карлинер М.М. Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны, 1914-1918. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
11. Костриков С.П. Россия в Первой мировой войне. М., 2000.
12. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новosti, 1991.
13. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского отделения Российской академии наук (УРО РАН), 2000.
14. Прокопов А.Ю. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М., 2008.
15. Ревякин А.В. Франция: «священное единение» // Мировые войны XX в. Кн.1. Первая мировая война. М., 2002.
16. Розанов В.В. Последние листья. М., 2000.
17. Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума, 1-5 июня 1998 г.). СПб., 1999.
18. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914-1917. Мн., 2004.
19. Тютюкин С.В. Патриотический подъем в начале войны // Мировые войны XX в. Кн.1. Первая мировая война. М., 2002.
20. Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М., 2008.
21. Archives du Ministère des affaires étrangères. Guerre 1914-1918. Dossier général. Vol. 1-3, 8.
22. Archives nationales. F. 7. 12937.
23. Ibid. F. 7. 13348.
24. Ibid. F. 7. 12936.
25. Ibid. F. 7. 12938.
26. Ibid. F. 7. 12939.
27. Asquith H.H. Memoires and reflections, 1852-1927. Vol. 2. Boston: Little, Brown, 1928.
28. Barnard Ch.I. Paris War Days. Boston, 1914.

29. Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914-1918. Paris, 1981.
30. Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.
31. Bloch M. Memoirs of War. 1914-1915. London, 1980.
32. Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. Vol. 1. London, 1923.
33. Cochet F. Survivre au front 1914-1918: Les Poilus entre contrainte et consentement. Paris, 2005.
34. Dahlmann D. Russia at the Outbreak of the First World War // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990.
35. Ferro M. The Great War 1914-1918. London: Routledge, 1973.
36. Gibbs P. L'âme de la guerre. Paris, 1916.
37. Gibbs P. Ten Years After: A Reminder. London, 1924.
38. House of Commons. Parliamentary Debates. London, 1915.
39. Joll J. The Origins of the First World War. New York, 1984.
40. Kratochwil F., Ruggie J.G. International Organization: A State of the Art on an Art of the State // International Organization. Vol. 40. 1987. № 3. Pp. 753-775.
41. Laborie P. Opinion publique // Historiographies, II. Concepts et débats. Paris, 2001.
42. Lincoln W.B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution. New York, 1994.
43. Loez A. 14-18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris, 2010.
44. Loez A. La Grande guerre. Paris, 2010.
45. Marwick A. The Deluge. British Society and the First World War. New York, 2006.
46. Marwick A. War and Social Change in the Twentieth Century. New York, 1974.
47. Medlicott W.N. Contemporary England, 1914-1964. New York: McKay, 1967.
48. Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.
49. Pares B. The Fall of Russian Monarchy. London, 1988.
50. Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell, 1914-1944. Toronto: Little, Brown and co., 1968.
51. Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. Paris, 1997.
52. Stevenson J. British Society, 1914-1945. London, 1984.
53. Taylor A.J.P. Illustrated History of the First World War. New York, 1964.
54. Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006.
55. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Relations. Vol. 46. 1992. № 2. P. 396-407.
56. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. Vol. 41. 1987. № 3. P. 349-366.
57. Winter J.M., Baggett B. 14-18: Le grand bouleversement. Paris, 1997.
58. Wohl R. French Communism in the Making, 1914-1924. Stanford, 1966.

Об авторе

Юдин Николай Вадимович – к.истор.н., преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1. E-mail: nicolas.yudin@gmail.com.

PATRIOTIC UPSURGE AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR: CONSTRUCTIONIST PERSPECTIVE

N.V. Yudin

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract: *In the present paper from the constructionist perspective is examined one of the most controversial issues of the modern western historiography of the First World War – the issue of patriotic enthusiasm of 1914, its scopes and nature. On the basis of a wide range of primary sources, including Russian and foreign archives, memoirs and letters of contemporaries the author carries out a comparative analysis of the response to the beginning of the war of urban and rural population of Great Britain, France and Russia.*

Against the backdrop of numerous patriotic demonstrations in large cities, the rural population's response looked much more constrained and passive. At the same time the latter attests rather to the peculiarities of rural culture than to the absence of patriotic upsurge. The author points out that besides apparent distinctions there was a lot of similarities in the urban and rural population's reaction to

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

the beginning of the war. This refers to an immensely successful mobilization of continental armies, a rush of volunteers to the British army, and a drop of the labor movement in all European countries.

The author comes to the conclusion that the patriotic upsurge in Europe in 1914 was not founded on a momentary outburst of chauvinism, but reflected a broad popular consensus on the war.

Key words: First World War, patriotic upsurge, constructionism, “myth of 1914”, popular consensus.

References

1. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of Russian Empire]. F. 133. Kanceljarija ministra inostrannykh del [Foreign Minister's Department]. Op. 470. D. 9. 1914. (In Russ.).
2. Bazanov S.N. 2006. Patrioticheskii pod'em v rossiiskom obshchestve v nachale Pervoi mirovoi voiny [Patriotic upsurge in the Russian society at the beginning of the First World war] // Patriotizm – dukhovnyi sterzhen' narodov Rossii [Patriotism – Russia's peoples spiritual core]. Moscow. (In Russ.).
3. Vvedenie v teoriu mezhdunarodnykh otnoshenii [Introduction to International relations theory]. 2001. Moscow. (In Russ.).
4. Vinogradov K.B. 1970. David Lloid Dzhordzh [David Lloyd George]. Moscow. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of Russian Federation]. F. 102. V otdelenie Osobogo otdela Departamenta politsii V otdelenie Osobogo otdela Departamenta politicii [5th Division of the Special Department of the Police Department]. Op. 265. (In Russ.).
6. Golovin N.N. 1926. Iz istorii kampanii 1914 goda na russkom fronte. Nachalo voiny i operatsii v Vostochnoi Prussii [History of the 1914 Campaign at the Russian front. The beginning of war and operations in Eastern Prussia]. Praga. Plamia Publ. (In Russ.).
7. Denikin A.I. 1990. Put' russkogo ofitsera [The path of a Russian officer]. Moscow. (In Russ.).
8. Dzhunkovskii V.F. 1997. Vospominaniia [Memoirs], 1905-1915. Vol. 2. Moscow. (In Russ.).
9. Ignat'ev A.A. 1955. Piat' desiat let v stroiu [Fifty years in service]. Vol. 2. Moscow. (In Russ.).
10. Karliner M.M. 1961. Rabochee dvizhenie v Anglii v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914-1918 [Labor movement in England during the First World War, 1914-1918]. Moscow, Soviet Union's Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
11. Kostrikov S.P. 2000. Rossiia v Pervoi mirovoi voine [Russia in the First World War]. Moscow. (In Russ.).
12. Paleolog M. 1991. Tsarskaia Rossiia nakanune revoliutsii [Tsarist Russia on the eve of the Revolution]. Moscow. Novosti Publ. (In Russ.).
13. Porshneva O.S. 2000. Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'ian i soldat v Rossii v period Pervoi mirovoi voiny (1914 – mart 1918 g.) [Mentality and social behavior of factory workers, peasants and soldiers in Russia during the First World War (1914 – March 1918)]. Ekaterinburg. Izd-vo Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (In Russ.).
14. Prokopov A.Iu. 2008. Voina i voprosy sotsial'no-politicheskogo razvitiia Velikobritanii [War and social and political issues of Great Britain's development]. In Rzheshevskii O.A. (ed.). Voina i obshchestvo v XX veke [War and society in XX century]. Moscow. (In Russ.).
15. Reviakin A.V. 2002. Frantsiia: «sviashchennoe edinenie» [France: “Sacred Union”]. In Mal'kov V. L., Tupolev B. M., Shkundin G. D. (eds.). Mirovye voiny XX v. [World Wars in XX century]. Moscow. (In Russ.).
16. Rozanov V.V. 2000. Poslednie list'ia [The last leaves]. Moscow. (In Russ.).
17. Sanborn Dzh. 1999. Besporiadki sredi prizyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoi natsii: novyi vzgliad na problemu [Conscripts' disturbances in 1914 and the issue of the Russian nation: reconceptualization]. In Rossiia i Pervaia mirovaia voina (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma, 1-5 iunია 1998 g.) [Proc. Int. Conf.: “Russia and the First World War”, 1-5 June, 1998]. (In Russ.).
18. Spiridovich A.I. 2004. Velikaia voina i Fevral'skaia revoliutsiia, 1914-1917 [Great war and the February revolution, 1914-1917]. Minsk. (In Russ.).
19. Tiutiukin S.V. 2002. Patrioticheskii pod'em v nachale voiny [Patriotic upsurge at the beginning of the War]. In Mal'kov V.L., Tupolev B.M., Shkundin G.D. (eds.). Mirovye voiny XX v. [World Wars in XX century]. Moscow. (In Russ.).
20. Tiutiukin S.V. 2008. Rossiia: ot Velikoi voiny – k Velikoi revoliutsii [Russia: from the Great War to the Great Revolution]. In Rzheshevskii O.A. (ed.). Voina i obshchestvo v XX veke [War and society in XX century]. Moscow. (In Russ.).
21. Archives du Ministère des affaires étrangères. Guerre 1914-1918. Dossier général. Vol. 1-3, 8.
22. Archives nationales. F. 7. 12937.
23. Ibid. F. 7. 13348.
24. Ibid. F. 7. 12936.

25. Ibid. F. 7. 12938.
26. Ibid. F. 7. 12939.
27. Asquith H.H. 1928. *Memoires and reflections, 1852-1927*. Vol. 2. Boston: Little, Brown.
28. Barnard Ch.I. 1914. *Paris War Days*. Boston.
29. Barthas L. 1981. *Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914-1918*. Paris.
30. Becker J.-J. 1977. 1914: *Comment les Français sont entrés dans la guerre*. Paris.
31. Bloch M. 1980. *Memoirs of War. 1914-1915*. London.
32. Buchanan G. 1923. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs*. Vol. 1. London.
33. Cochet F. 2005. *Survivre au front 1914-1918: Les Poilus entre contrainte et consentement*. Paris.
34. Dahlmann D. 1990. *Russia at the Outbreak of the First World War*. In Becker J.-J., Audoin-Rouzeau S. (eds.). *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918*. Paris.
35. Ferro M. 1973. *The Great War 1914-1918*. London: Routledge.
36. Gibbs P. 1916. *L'âme de la guerre*. Paris.
37. Gibbs P. 1924. *Ten Years After: A Reminder*. London.
38. House of Commons. *Parliamentary Debates*. 1915. London.
39. Joll J. 1984. *The Origins of the First World War*. New York.
40. Kratochwil F., Ruggie J.G. 1987. *International Organization: A State of the Art on an Art of the State*. *International Organization*, vol. 40, no. 3, pp. 753-775.
41. Laborie P. 2001. *Opinion publique*. In *Historiographies, II. Concepts et débats*. Paris.
42. Lincoln W.B. 1994. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution*. New York.
43. Loez A. 2010. 14-18. *Les refus de la guerre. Une histoire des mutins*. Paris.
44. Loez A. 2010. *La Grande guerre*. Paris.
45. Marwick A. 2006. *The Deluge. British Society and the First World War*. New York.
46. Marwick A. 1974. *War and Social Change in the Twentieth Century*. New York.
47. Medlicott W.N. *Contemporary England, 1914-1964*. New York: McKay, 1967.
48. Mulligan W. 2010. *The Origins of the First World War*. Cambridge.
49. Pares B. 1988. *The Fall of Russian Monarchy*. London.
50. Russell B. 1968. *The Autobiography of Bertrand Russell, 1914-1944*. Toronto: Little, Brown and co.
51. Schor R. 1997. *La France dans la Première guerre mondiale*. Paris.
52. Stevenson J. 1984. *British Society, 1914-1945*. London.
53. Taylor A.J.P. 1964. *Illustrated History of the First World War*. New York.
54. Verhey J. 2006. *The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge.
55. Wendt A. 1992. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Relations*, vol. 46, no. 2, pp. 396-407.
56. Wendt A. 1987. *The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization*, vol. 41, no. 3, pp. 349-366.
57. Winter J.M., Baggett B. 1997. 14-18: *Le grand bouleversement*. Paris.
58. Wohl R. 1966. *French Communism in the Making, 1914-1924*. Stanford.

About the author

Yudin Nikolai Vadimovich – PhD (History), Lecturer at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991. (e-mail: nicolas.yudin@gmail.com).